

Хорхе Аугусто Гамбоа¹
Jorge Augusto Gamboa M.

**ИНДЕЙСКИЕ ГРУППЫ КОЛУМБИИ
ВО ВРЕМЯ ИСПАНСКОЙ
КОНКИСТЫ: МУИСКИ И СПОРЫ ОБ
ИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ**

**LOS GRUPOS INDÍGENAS DE LA AC-
TUAL COLOMBIA EN EL MOMENTO
DE LA CONQUISTA ESPAÑOLA: EL
CASO DE LOS MUISCAS Y EL DEBATE
SOBRE SU ORGANIZACIÓN SOCIOPO-
LÍTICA**

**COLOMBIA'S INDIGENOUS GROUPS
AT THE MOMENT OF SPANISH CON-
QUEST: THE CASE OF THE MUISCAS**

¹ *Хорхе Аугусто Гамбоа* Антрополог, магистер истории Национального университета Колумбии, координатор Колумбийского института антропологии и истории. *Jorge Augusto Gamboa M.* Anthropologist, Magister in History (Universidad Nacional de Colombia), coordinator of the Instituto Colombiano de Antropología e Historia (ICANH). Mail: jgamboa@icanh.gov.co

AND THE DEBATE OVER THEIR SOCIOPOLITICAL ORGANIZATION

Аннотация: В этой работе предлагается обзор дебатов о социально-политической структуре индейских групп, проживавших в центральном регионе Колумбии во время испанской конкисты. Будет проанализирована роль традиционных лидеров в этих индейских обществах и трансформация, которую они пережили в первые десятилетия испанского господства. Индейцы-муиски не были этносом с определенной идентичностью, а целый ряд разнородных групп и обществ, которые европейцы считали таковыми исходя из географического положения и внешней схожести их культур.

Ключевые слова: Колумбия, Южная Америка, индейцы-муиски, XVI век, этноистория, политическая организация.

Resumen: En este trabajo se hace una breve contextualización del debate en curso sobre la estructura de la organización sociopolítica de los grupos indígenas que habitaron la región central de Colombia al momento de la Conquista española, señalando cuál es la posición del autor al respecto. Luego se mostrará el rol que tenían en estas sociedades los jefes tradicionales y la transformación que se dio durante las primeras décadas de la dominación castellana. Se concluye planteando la tesis de que los indígenas llamados “muiscas” no eran una étnia con una identidad propia, sino que en realidad fueron un conjunto de grupos heterogéneos que los europeos agruparon bajo una misma denominación, debido a su proximidad geográfica y las semejanzas culturales que creyeron percibir.

Palabras clave: Colombia, Suramérica, indios muiscas, siglo XVI, etnohistoria, organización política.

Abstract: This work offers a brief contextualization of the ongoing debate over the structure of sociopolitical organization among the indigenous groups inhabiting the central region of Colombia at the moment of Spanish conquest, signaling the author's position. The piece then outlines the role that traditional leaders played in these

societies and the transformations that occurred during the first decades of Spanish domination. It ends by proffering the thesis that the so-called Muisca were not a unified ethnic group with a shared identity, but rather that they were an assembly of heterogeneous groups that Europeans placed under a single label based on geographic proximity and what appeared to them to be shared cultural characteristics.

Key Words: Colombia, South America, Muisca indiens, 16th Century, ethnohistory, political organization

DOI: 10.32608/2305-8773-2018-20-1-28-46

Группы туземцев доиспанского периода на территории Колумбии известны под именем муисков. И эта самая изученная группа индейцев на территории Колумбии. Это связано с тем, что этот этнос проживал в очень богатом и плодородной регионе Америки, что способствовало раннему поселению там европейцев после конкисты, созданию ими там городов, которые станут центрами Новой Гранады, как называли этот район испанцы в XVI в. Здесь было много богатств, прежде всего, золото, соль и изумруды. Существовавший иерархический порядок политической организации у индейцев позволили легко установить там режим энкомьенды, через нее быстро укрепить испанское господство. Важным фактором было то, что на территории муисков в середине XVI в. был основан город Сантафе, столица королевства и место расположения Королевской аудиенсии. И наконец, когда вице-королевство Новая Гранада получила независимость от испанской монархии в начале XIX в. муиски стали доиспанским элементом построения идентичности новой республики. В некоторой степени муиски сыграли ту же роль в формировании нации, что инки в Перу или ацтеки в Мексике.

Археологи установили стиль муисков в керамике, который появился примерно в 700 г. н.э. и оставался неизменным вплоть до испанской конкисты. Все это время делится на два больших периода: ранних муисков (700–1000 г. н.э.) и поздних муисков (1000–1600 г. н.э.)². Несмотря на большой объем исследований за последние годы ещё много аспектов не прояснены, и один из них – социально-политическая организация муисков во время конкисты.

² *Boada A.M.*, 2007.

Дискуссия на эту тему началась почти сразу же после первых интерпретаций контактов с муисками, данных самими конкистадорами. Предводитель самой крупной экспедиции Гонсало Хименес де Кесада отметил, что это были сельские группы, проживавшие в долинах и в горах, где много источников воды. Они не имели сложной структуры управления. Просто делились по долинам, которые занимали, и имели касиков, которые пользовались большим уважением³. Однако несмотря на первые впечатления последующие хронисты с середины XVI в. поменяли эти описания и стали преувеличивать уровень социальной интеграции в этих индейских группах, и даже утверждали, что там существовали государства наподобие европейских средневековых королевств. В основном отмечали два царства на севере и юге региона, которые почти совпадали с границами двух учрежденных испанцами провинций. К северу, где был основан город Тунха, якобы существовало царство, подчинившее себе других, более мелких правителей, и которое противостояло южному царству, которое доминировало над другими мелкими правителями. Его центром была крепость Бого-та, где была заложена столица испанцев Сантафе.

Таким образом, была создана легенда, что муиски были нацией, страной, этносом или, как минимум, культурой, достигшей высокого уровня развития, сравнимого с индейскими государствами Мезоамерики или с Андской империей. Их стали считать, по крайней мере, в работах хронистов и историков XIX в. третьей американской империей, после мексиканской и перуанской. Предполагалось, что в каждом из этих царств был свой язык, с небольшими вариантами диалектов, те же самые обычаи, одна система верований, экономический базис и одинаковые формы политической организации. Якобы это были две феодальные монархии, которые боролись между собой за гегемонию в регионе, находились в состоянии имперской унификации посредством войны, по крайней мере на момент появления европейских конкистадоров. Более того, причины их поражения и быстрого подчинения конкистадорам якобы лежали в отсутствии единства и сильной иерархичности общества. Утверждалось, что, если бы это было одно государство, сопротивление европейцам было бы сильнее, а сильная централизация власти облегчила стратегию испанцев, которые смогли обез-

³ *Gamboa*, 2013.

главить царства и тем самым подчинить себе все остальное население, которое не оказало сопротивления.

Историки республиканского периода развили эту концепцию, украсив её модными тогда «ориенталистскими» элементами⁴. Они увидели в муисках типичный пример восточной деспотии: царства управлялись «сатрапами» с абсолютной властью, с привилегиями и невероятным богатством. Даже предполагалось, что происхождение этой цивилизации восходит к древним семитским народам Ближнего востока⁵. Вместе с тем, рос интерес к культуре этих народов среди эрудитов, коллекционеров, антикваров, филологов, что расширило базу эмпирических и методических исследований. Начались первые археологические раскопки, создавались коллекции артефактов, скелетов, мумий, составивших основу национальных музеев, а главное – стали публиковать неизданные рукописи ряда хронистов из фондов архивов и библиотек XVI–XVII вв. До сего дня самой читаемой работой хронистов является труд Лукаса Фернандеса де Пьедраита, епископа Санта-Марии, который написал историю Нового Королевства Гранады в конце XVII в. на основе мало достоверной и порой неверной информации⁶. Также тогда стали известны новые работы, такие как хроники францисканских монахов Педро Агуадо, Антонио Медрано⁷ и Педро Симона⁸, и работа другого священника Хуана Кастьяноса⁹. Они были написаны в период между 1570 и 1630 годами, когда ещё были живы участники конкисты, а структуры организации жизни муисков ещё полностью не исчезли. Несмотря на богатство данных этих источников, эти хроники подтверждают организацию жизни муисков как царств, будь то подобных европейским королевствам, будь то – восточным царствам. Кроме того, эти работы стали практически единственными источниками для исследований целых поколений историков вплоть до середины XX в.

Это представление о муисках начнет меняться только с 1950 г., когда исследователи нового типа, стали изучать социально-политические структуры этих групп. Следует назвать работу Гиль-

⁴ *Said*, 2013.

⁵ *Uricoechea*, 1984.

⁶ *Fernández de Piedrahita*, 1986.

⁷ *Aguado*, 1956. *Hernández Carvajal*, 2013.

⁸ *Simón*, 1981.

⁹ *Castellanos*, 1997.

ермо Эрнандеса, который с своим анализе опирался на функционалистскую социологию, идеи Ф. Энгельса и исторического материализма, на эволюционистские идеи Льюиса Моргана¹⁰. Этот труд был разрывом с традиционной интерпретацией и сменой понимания природы этих индейских групп. Он был первым из историков, кто систематически работал с документами архива, оставив в стороне хронистов, которые до того были главным источником для историков. Эрнандес открыл огромный объем рукописей периода конкисты из архивов Испании и Колумбии, все они были впервые им введены в научный оборот. Он опирался на эволюционистские взгляды Энгельса и Моргана, что привело его к выводу об отсутствии каких-либо царств в доиспанское время на территории Колумбии, в виду того, что социальная организация индейцев не соответствовала ни феодальному государству, ни восточной деспотии.

В 60-е годы новое поколение исследователей пошло по пути, начатому Эрнандесом, но уже исходя из концепций неоэволюционистской и функционалистской антропологии. Это было время появления в Колумбии антропологии как особенной университетской дисциплины, что открыло дискуссии среди иностранных и местных исследователей. Среди новых работ следует выделить труды Сильвии Бродбент, которая показала, что базовая единица социальной организации муисков или чибча были группы, родственные по материнской линии, во главе которых находился старший брат матери клана. Испанцы их называли капитаниями, частями (*partes* или *parcialidades*). Союз нескольких таких капитаний создавали вожества, которые объединялись, в свою очередь, в конфедерации, то что и встретили конкистадоры¹¹. Бродбент анализировала муисков в рамках схемы модного тогда в североамериканской антропологии неоэволюционизма. После Бродбент исследования муисков пережили растущую профессионализацию антрологических исследований, которые обогатились новыми данными и новыми интерпретациями. Здесь мы остановимся только на самых важных из них.

Дискуссии в 1980–1990-е годы развивались вокруг характеристик родственных кланов капитаний и структур вожеств. Напри-

¹⁰ *Hernández*, 1949.

¹¹ *Broadbent*, 1964

мер, Эдуардо Лондоньо использовал концепцию вождества, предложенную Робертом Карнейро: группы крестьян с определённым развитием ремесла образовывали деревни под главенством наследственного вождя, которому крестьяне подчинялись и платили дань¹². Специально было исследовано вождество в Тунхе, вновь подтверждены тезисы Бродбент о капитаниях, указав, что были и меньшие единицы, так называемые *utas* и более крупные – *sibun* или высшие капитании. Капитании могли быть территориальными единицами или родственными группами, порой не связанными с определенной территорией, но ученые склонялись к первому варианту. Лондоньо установил, что муиски образовывали вождества и конфедерации вождеств. Напомним, что, по этой точке зрения, вождество было промежуточным этапом в социально-политической организации общества, более высокая стадия нежели племя или группы охотников и собирателей, но предшествующая государству. Кроме того, считалось, что это были пирамидальные организации, внизу которых находились меньшие капитании или *utas*, объединявшиеся в старшие капитании или *sibun*, которые в свою очередь формировали вождества и конфедерации вождеств.

Эта модель социально-политической организации была дополнена в конце 1980-х работами Карла Лангебаэка, исследователя, находившегося под сильным влиянием работ Джона Мурра об инках¹³. Лангебаек предложил модель, опирающуюся на работы Карла Поланьи и Мурра¹⁴. Новым были две основные идеи. Первое – предводители или вожди муисков (*касики*) должны были перераспределять излишки продукции среди своих поданных, всего того, что они получали в виде дани. Средством перераспределения были празднества и помощь нуждающимся и другие механизмы. Таким образом, было неверно считать это данью в духе европейского феодализма или налогами как в современном обществе, а как нечто иное. Таким образом, муиски были перераспределительными вождествами, такими же как и андские общины-айлью до их завоевания инками. Второе – с опорой на работы Мурра по Центральным Андам попытался рассматривать муисков также с точки зрения

¹² *Londoño*, 1985.

¹³ *Langebaek*, 1987.

¹⁴ *Murra*, 1979.

объединения различных температурных зон в зависимости от высот для обеспечения самообеспеченности. Однако речь не шла о масштабной вертикальности по высоте положения поселений, как в Перу, а о микровертикальности. Доступ к различным экологическим зонам производства здесь можно было достичь на небольших расстояниях. В отличие от Перу, где, по Мурру, практически не было рынков, и айлью получали все необходимое не прибегая к обмену, муиски развили активную торговлю, а рынки играли важную роль. И главной задачей вождей (касиков) было создание рынков и развитие межгруппового обмена.

Тогда была установлена модель организации социально-экономической и политической жизни муисков, до сего дня принимаемая большинством исследователей. Сегодня общепринято, что основой социальной организации муисков были родственные группы материнской линии, как правило, союз братьев, сыновьев одной матери с семьями. Власть принадлежала старшему брату и передавалась от дяди к племяннику, сыну старшего брата. Эти родственные группы могли быть очень простыми, из несколько человек, которые назывались меньшими капитаниями. При объединении нескольких таких групп, но по родственному принципу, возникали старшие капитания или *sibyn*. Несколько капитаний, старших и младших, объединялись в вождества, при чем главой вождества по-прежнему был старший брат по материнской линии, а вождества были связаны родственными связями. Главной функцией вождя помимо осуществления общинных обязанностей было перераспределение продуктов. Община передавала вождю излишки продукции, которые он и перераспределял, то есть не было элемента эксплуатации. Часть дани оставалась у вождя в признание его роли в материальной жизни и духовных практиках общины, ибо он отвечал за религиозные обряды.

Такая модель представлялась приемлемой в отношении этого индейского этноса, но я многие годы изучал документацию и проводил расчеты, на которых базировалась эта модель, и обнаружил её несостоятельность. Решение этой проблемы состоит в изменении самой модели. Во-первых, концепция вождя – слишком неконкретна. Вождеством может быть охарактеризована любая индейская организация, в которой есть наследственная власть от самой примитивной до самой сложной. Общества с различными обычаями и формами производства подходят под эту категорию. С

категорией вождества происходит тоже самое, что и концепцией племенем, которую критиковал Морис Годелье¹⁵. Она основывается на одном факторе – наличии наследственного лидера, но по сути не определяет природы общины. Главное же изучать структуры, которые определяют жизнь людей, и обуславливают тип организации. Самые разнообразные формы общественной жизни могут быть объединены наличием фактора наследственного лидера, причем это крайне отличные друг от друга общества. Следовательно, надо искать другие характеристики, а именно описать отношения этих групп со своим окружением, производственные, символические и общественные практики.

Речь идет о концепции перераспределения и её отношении к натуральной экономике. Характеризовать общество по форме распределения продуктов, то есть по сфере товарооборота, также неверно, ибо не учитывает производственную структуру, которая и устанавливает отношения власти в обществе. Необходимо принимать во внимание весь комплекс факторов и весь комплекс производственных отношений для характеристики форм жизни, а не только по одному из его аспектов. Другая проблема состоит в том, что утверждение, что вождь является в основном агентом перераспределения, также ошибочно, про крайней мере в отношении муисков. Лидеры муисков (ципкуас) получали хлопковые покрывала, соль, золото и другие продукты. Кроме того, имели право на труд общины на их землях, им сообща строили жилища. И нет никаких данных, что они как-то перераспределяли то, что получали. Единственное, он должен был кормить тех общинников, которые работали на его полях, строили жилища и другие постройки. Кроме того, в их обязанность входила организация праздников. В свою очередь лидеры преподносили подарки другим вождям, с которыми стремились заключить союз. Одним словом, они использовали получаемую ими дань для усиления собственной власти, для питания работников, которые их обслуживали. Естественно, в этом обществе накопление было лишено смысла. Богатство не состояло в накопления благ, а в распоряжении рабочей силой, наличие которой зависело от заключаемых вождями союзов. Таким образом, трудовая дань общинников использовалась вождями в своих личных интересах для усиления власти, а богатство оценивалось ко-

¹⁵ *Godelier*, 1974. P. 198–222.

личеством располагаемыми людскими ресурсами.

Ошибкой является предположение, что вождь не пользовался излишками общинного производства в своих интересах, и таким образом, не эксплуатировал своих податных. Нельзя видеть в вожде исключительно слугу общины, хотя именно так он представляется в мифах и религии, которые оправдывали его господство, но именно как персонаж, пользующийся привилегиями и чужим трудом. Наличие натурального хозяйства в вождествах затемняет процесс перераспределения как отношения эксплуатации, то есть отчуждения излишков в форме дани.

Третьей проблемой перераспределительной модели было то, что она опиралась только на экономическую функцию вождя, то есть концентрировала свое внимание на перераспределении излишком общинной продукции, хотя и признавала его административные функции в общинных делах, в религиозных церемониях. По моему представлению, судебная функция и поддержание социального мира были главными задачами вождей и политических институтов индейских обществ.

К этим проблемам могу добавить, что иногда родственные группы и даже вождества были данниками двух и более предводителей. Таких случаев немного, но они указывают на пирамидальное построение общества, создававшего иерархические структуры. Кроме того, есть огромная вариативность форм, в которых капитании объединялись в вождества. При этом всегда сохранялись матрилинейные простые группы, и не всегда формировались капитании. Бывали и простые вождества, состоявшие из одной капитании, вождем которой были мужчины по материнской линии. Другие случаи относились к группам, объединенных одним вождем с различным уровнем господства. В матрилинейных капитаниях существовала коллективная собственность земли и другими средствами существования, но не обязательно связанными с определённой территорией, группы могли перемещаться с одного места в другое. Это приводило к тому, что в одном и том же районе могли сосуществовать матрилинейные группы или капитании, подчиненные разным вождям, и невозможно установить границы господства тех или иных вождей. Мексиканский исследователь Педро Карраско назвали это принципом сегментации и смешения¹⁶. Свя-

¹⁶ Carrasco, 1996.

зи, которые объединяли мелкие общины с собственным вождем или с другими общинами, оставалась достаточно слабыми, так как все общины были самодостаточны. Это приводило к сегментации. А так как их земли могли перемешиваться, и общины подчинялись в различным вождям (даже иногда более одного), происходил процесс смешения. Связь господства была в рамках группы и вождя, в отношениях между людьми, а не между территорией и вождем. То есть вождь не осуществлял явного господства над территорией, а над группой людей, которая могла перемещаться в другой регион, но сохраняя отношения со своим вождем. Таким образом, земля была свободна. Для вождя важным было получение дани, а не контроль за определенной территорией, как в современных государствах.

Чтобы установить структуру социальной и политической организации муисков на момент конкисты, несколько лет назад я предложил модель, основанную на идеях Педро Карраско и Джеймса Локхарта, высказанных в отношении индейцев науас в центральной Мексике¹⁷. В одной своей работе о вождествах муисков после конкисты я предположил, что это был комплекс разнородных обществ с разной социо-политической структурой¹⁸. Основой этих обществ были родственные группы материнской линии, которые являлись производительными единицами, объединенными родственными связями. Эти производственные единицы располагали общинной собственностью на землю, оставались в основном эгалитарными. Существовало разделение труда, на основе возраста и пола. Брат матери был вождем и представлял всю группу. Связь с землей не была четкой, так как группы перемещались на новые территории в зависимости от обстоятельств. При появлении подчиненности одной базовой группы другой возникала капитания, которую возглавлял по терминологии испанцев, старший капитан, который получал наибольший престиж и власть. Этим вождям испанцы называли касиками, они могли возглавлять от одной до нескольких групп и даже нескольких вождеств. Эту структуру предлагаю вслед за Джеймсом Локхартом назвать модулярно-ячеечной с учетом сегментации и смешения кланов на одной территории, как то определил Карраско.

¹⁷ Lockhart, 1999.

¹⁸ Gamboa, El cacicazgo, parte 1.

Может показаться, что я предлагаю опираться не на модель перераспределительного общества и вертикального архипелага общин, применяемой для Перу, а на ячеечную-модулярную модель, на основе сегментации и смешения, предлагаемой для Центральной Мексики. В какой-то степени это так, но при сравнении между науас и муисками есть большие различия в формах социальной организации, но есть и схожие организационные принципы, которые лучше описывают ситуацию с муисками.

С моей точки зрения, характеристика, данная Муррой Инкскому государству как парораспределительному организму и его идея о вертикальности сельского хозяйства, должна быть пересмотрена, и найдены другие формы, определяющие классовые доиспанские общества. Здесь мы отметим даннические формы господства-производства, которые более адекватно характеризуют эти общества¹⁹. Должен оговориться, что тем самым я не предлагаю вернуться в точку зрения советского сталинского марксизма середины XX в., ни к эволюционистским интерпретациям идей Маркса, возникших благодаря симпатии, которую испытывал Энгельс к работам Льюиса Моргана, а предлагаю интерпретацию в духе позднейшего западного марксизма и неомарксизма, в котором увязаны последние достижения общественных теорий с основными идеями и методологией Маркса.

Интересны высказывания Юргена Хабермаса, которые не имели отклика у этноисториков в Латинской Америке²⁰. Хабермас предложил пересмотреть концепцию «способа производства», указывая на её достоинства и недостатки, предлагая обогатить её символическим взаимодействием людей. Это позволит поставить в центр дискуссии судебную функцию вождей, то есть построить модель социо-политической организации, которая бы не основывалась на функции перераспределения, а на решении конфликтов через применение норм обычного права, что и было главной функ-

¹⁹ Морис Годелье сделал серьезный вклад в этот спор и указал на важность этого концепта для понимания классовых обществ в доколумбовой Америке : *Economía, fetichismo y religión en las sociedades primitivas*, 1974. P. 176–197. Что касается случая Тройного союза в Мексике стоит обратить внимание на работу Бокажа – *Beaucage.*, 1976. P. 43–82. Или посмотреть на применение этих идей в абсолютной ином историческом контексте см.: *Campagno*, 2003. P. 1–17.

²⁰ *Habermas*, 1981. P. 131–180.

цией вождей в этом типе обществ.

Общественные формации, которые нашли испанские конкистадоры на центральном альтиплано Нового Королевства Гранада, отличались двумя способами производства, взаимосвязанных на основе двух принципов. Самые простые формы представляли собой клановые, родственные группы, о которых мы уже писали, которые занимались интенсивным сельским хозяйством, включавшим создание снабжающих водой сооружений. Дополнительно они занимались охотой, рыболовством, выращиванием мелких зверей, как например, морских свинок. Также занимались ткачеством, керамикой, делали каменные, деревянные и костяные орудия труда. В местах залегания минералов добывали соль, изумруды. Существовал товарный обмен, прежде всего соли на золото и хлопок. Золото выполняло важную культовую роль в приношениях богам. Труд организовывался в семейной системе, разделение труда не выходило за рамки семьи. Вождями также были родственники по материнской линии, испанцы называли их капитанами. В этих группах доминировало равенство, принципы взаимопомощи в рамках кланов. Поведение людей регулировалось обычаем и взаимностью. При возникновении внутренних конфликтов главы семей принимали решения для их решения в соответствии с обычаем и при возмещении ущерба пострадавшей стороне. Самые примитивные родственные группы были сельскими обществами с общинными средствами производства при интеграции на основе структур родства.

Самые широко распространенные общественные формы в регионе основывались на иных принципах, начинал развиваться даннический способ производства. Две или более родственные группы (младшие капитании) могли объединяться в союзы во имя экономических или военных целей. Эти союзы скреплялись браками, что иногда приводило к влиянию групп, которые сохраняли свою специфическую идентичность. Почти всегда одна из групп иерархически занимала более высокое положение, будь то по экономическим, будь то по религиозным причинам. Положение вождей усиливалось их правом на получение продуктов и услуг со стороны союзных групп. Лидерам приносились в дар ткани, золото и изумруды, и даже женщин, становившиеся их супругами и прислужкой, – все это должно было усиливать союзы групп. Общины, признававшие власть вождей, должны были обрабатывать его землю и

строить и ремонтировать жильё. Имея работников, слуг, возможных воинов, вождь мог рассчитывать на новые союзы и большую власть. Неравенство вождей по отношению к союзникам и собственным родственникам становилось все более явным. Однако за дань вожди должны были выполнять главную обязанность – поддерживать общественный и космический порядок, все то, что обеспечивало мир и процветание. Вожди или ципкуас были ответственны за выполнение обязанностей от имени всей общины, ритуальных действий, чтобы боги гарантировали плодородие и изобилие. Перед лицом общества их главный долг состоял в исполнении судебных функций. Суд опирался на обычаи и преследовал цель – минимизировать ущерб от конфликтов и кровавых переделов при разрыве союзов.

Перед нами формации даннического способа производства, где присутствует разделение на две группы: общая масса людей, производящих на принципах семейной взаимности, и вожди с их семьями и близкими, занимавшими иерархически более высокое положение и получавшие излишки производства через дань в виде продуктов или отработок. Это дополнялось судейской функцией и возможностью наложения наказаний в соответствии с традицией и обычаем. Это самый начальный этап становления классового общества и эксплуатации. Религия была идеологическим освещением этих новых общественных форм. Вожди были посредниками между миром земным и сверхъестественным. Они должны были содержать святилища, организовывать ритуалы, материально обеспечивать культ, без которого сообществу грозили голод, наводнения, засухи и болезни. Вожди не обладали военным аппаратом, а опирались на родственный круг, на обычай и страх перед сверхъестественными силами.

На этих основаниях могли объединяться небольшие даннические общины, создавая более крупные образования. Когда же возникали конфликты из-за земли или по другим причинам, общины обращались к третьим касикам (вождям), которые пользовались престижем смелых воинов или уважаемыми религиозными лидерами, и таким образом, признавали власть и судебную функцию этого вождя. Например, на юге этой территории конфликты между вождями небольших долин таких как Фомеке или Чоачи разрешались касиками Боготы или Убаке, которые решали вопросы границ между общинами. Так было накануне прибытия испанцев. К ним

обращались, так как они были известны как храбрые воины и управляли культ всей этой территории, проживали на землях, тесно связанных с местной мифологией и, следовательно, обладавшей большей священной значимостью. Такая же ситуация происходила на севере, где касики Тунхи были известны благодаря святилищам, которые находились в их власти, Даитама и Согамосо. Эти касики действовали как арбитры и разрешали конфликты, которые не могли решить более мелкие касики – вожди по материнской линии одного клана. В процессе решения споров создавались новые союзы, так как признание судебной функции за другими касиками означало признание их власти и влияния. Однако эти союзы были непрочными.

Одним словом, резюмируя мое предположение: в регионе существовали два типа групп – во-первых, матрилинейные общины, основанные на родственных структурах, во-вторых, группы, созданные политическим влиянием, с данническим типом подчинения, с неявным, неразвитым неравенством с сохранением иных форм связи и подчинения. Речь идет о вождествах и конфедерациях вождеств. Связи между ними были слабыми, преобладала сегментация, и смешение на одной и той же территории, а доминирование осуществлялось над группами людей, а не над территорией или другими средствами производства.

Испанцы прибыли в этот район в начале 1537 г. Несколько лет понадобилось, чтобы подчинить эти группы. Иногда с ними вступали в союз и пользовались враждой некоторых вождеств. Конкистадоры основали несколько городов, главным из которых была Сантафе, вблизи вождества Богота, также в Тунха, которая была церемониальным религиозным центром одноименного вождества. К 1539 г. началась передача общин индейцев в энкомьенду, при чем критерием было не разрушать уже существующие политическое структуры, чтобы облегчить сбор дани и использование рабочей силы индейцев. Однако военные действия и необходимость удовлетворить потребности более сотни конкистадоров воспрепятствовали полностью выполнить эту задачу. Большие объединения вождеств были разделены на более маленькие, чтобы удовлетворить претензии всех испанцев. В результате, немногие энкомьенды превышали 1000 податных, а в среднем они состояли из 200-300 индейцев. В действительности, были разрушены сложные союзы, и в энкомьенду отдавались по одному вождеству с одним касиком

во главе. Этот касик становился посредником в отношениях с белыми и должен был обеспечить выполнение повинностей и сбор дани (трибута) в пользу энкомендеро, церкви и испанской короны. По-прежнему касики осуществляли общинный суд, но теперь только по мелким делам, оставляя себе небольшую часть дани, что ни как не шло в сравнение с размером в до-испанские времена. В любом случае, они утрачивали власть и авторитет, были интегрированы в новую административную систему, учрежденную испанской короной и энкомендеро. Судебные функции вскоре были переданы испанским судам, вплоть до Королевской Аудиенсии.

Старые ципкуас или касики и старые *tybas*, как их называли главы матрилинейных групп, при испанцах стали капитанами или касиками. Сохранялся принцип индейского самоуправления на двух уровнях, но при этом оно утрачивало монополию на судебную функцию. По крайней мере, в течение нескольких десятилетий вплоть до начала XVII в. формы общинного производства на основе родственных связей и обладания землей практически не изменились. Даннический способ эксплуатации укрепился, но при фундаментальных изменениях. Получаемые излишки продукции, присваиваемые высшими классами, индейскими и испанскими, теперь коммерциализировались и превращались в товар для регионального и даже международного рынка. Сельские товары, ткани, соль использовались для рынков Новой Гранады и даже в удаленных провинциях. Золото и изумруды шли в Европу в обмен на одежду, вино и другие товары для элиты. Касики стали частью элиты, смогли создать свои состояния в рамках нового общества, где сочетались до-испанские экономические и символические формы жизни и новые европейские. Такая ситуация сохранялась вплоть до начала XVII в., когда культурная и социальная метизация усилилась, что выразилось в исчезновении индейских языков, верований и политических структур. Ципкуас и *tybas*, ставшие касиками и капитанами, превращались в алькальдов, альгусилов и других начальников в индейских поселениях.

И последняя тема для размышлений, которая отличается от тематики коллег из других регионов Америки, но является важной в колумбийском контексте. Представляется неверным называть мусисками все многочисленные народы, которые проживали в этом регионе. Первые конкистадоры указывали, что в стране нет никакого политического единства, а есть множество языков и обычаев.

Последующие хронисты, тем не менее, создали ложное представление, что на территории альтиплано Кундинамарки была одна нация с единым языком, обычаями и общими чертами. Сначала их называли «индейцы москас», затем «индейцами чибча», ссылаясь на схожесть языка. В течение XX в. подбиралось подходящее имя для этих народов, и остановились на муисках, ссылаясь, что это их самоназвание, в то время как слово муиск означало просто человека. Так появились муиски как этнос или народ, в то время как здесь проживали разные этнические и политические группы.

Этот подход в последние годы подвергается сомнению. Отсутствие политического единства было первым, что стало очевидным. Сложнее было оспорить языковое и религиозное единство. Специалисты доказывают, что не было общего языка в регионе²¹. На языке моска или чибча говорили в районе столицы Новой Гранады, но за пределами этой долины говорили на других языках. Священники-миссионеры, изучавшие этот язык, использовали его как некий общий язык для общения с другими этносами, ибо все языки было невозможно выучить. Но этот метод священников провалился. Единственным результатом этой попытки было представление о том, что в регионе говорили на одном языке, в то время как это был только язык Боготы. Мало что осталось от тех языков, хотя мы знаем, что они были родственными, по типу близости современных испанского или французского, у которых общий источник, но носители этих языков друг друга не понимают.

Другая сторона проблема – отсутствие единства религиозных верований. При внимательном взгляде обнаруживаем, что на севере и юге бытовали различные мифологические системы. Хронисты, как например, монахи Агуадо и Симон обращали внимание, что верования региона Боготы на юге региона отличаются от севера, Тунхи, не говоря уже об иных религиозных системах в соседних районах, о чем нам мало известно. Испанцы всех индейцев на центральном альтиплано Колумбии просто стали называть муисками или москами. Это было полезно им, чтобы уравнивать между собой все этнические группы, которые сами не считали себя равными между собой. Сами же индейцы называли себя разными именами – гуатавитас, убакес, котас, согамосо и прочие. С установлением испанского господства они стали одной общей массой с еди-

²¹ См. González, 1980.

ной идентичностью – индейцев – подчиненной испанской короне, энкомендеро и церкви. Индейские народы Америки, ранее обладавшие особенной идентичностью, были превращены в «индейцев», что сводилось к их социальной роли и месту, которое они занимали в новой общественной системе. Они стали свободными туземными вассалами короны, которые ещё не получили света евангелия и цивилизации. Они считались как бы не достигшими взрослого сознательного состояния, чтобы самоуправляться, поэтому нуждались в просвещении, за что должны были работать для компенсации усилий по своему просвещению. Труд должен был быть их вкладом в дело их цивилизации. Муиски стали категорией колониального господства, и следует вновь и вновь изучать те различия и богатство разнообразия народов, которое было уничтожено европейским завоеванием.

БИБЛИОГРАФИЯ REFERENCES

- Aguado P.* Recopilación historial. 4 t. [c. 1574]; Bogotá: Presidencia de la República, 1956.
- Hernández Carvajal M.E.* Ni con pequeño trabajo, ni con pequeño favor de Dios: Fray Pedro Aguado y fray Antonio de Medrano frente a la conquista del Nuevo Reino de Granada 1550–1582. Bogotá: Universidad del Rosario, 2013.
- Boada A.M.* La evolución de jerarquía social en un cacicazgo muisca de los Andes septentrionales de Colombia // The Evolution of Social Hierarchy in a Muisca Chiefdom of the Northern Andes of Colombia. Bogotá–Pittsburgh: ICANH, University of Pittsburgh, 2007.
- Beaucage G.* Etnohistoria y marxismo: una región periférica del imperio azteca. // Nueva Antropología (México) 1, núm. 4. abril 1976.
- Broadbent S.* Los chibchas: organización sociopolítica. Bogotá: Imprenta Nacional, 1964.
- Campagno M.* El modo de producción tributario y el Antiguo Egipto. Reconsiderando las tesis de Samir Amin. // Anales de Historia Antigua, Medieval y Moderna 35-36 (2003). P. 1-17.
- Carrasco P.* Estructura político-territorial del Imperio tenochca. La triple alianza de Tenochtitlan, Tetzaco y Tlacopan. México: FCE, 1996.
- Castellanos J.* Elegías de varones ilustres de Indias. Bucaramanga, Co-

- lombia: Gerardo Rivas Moreno, 1997.
- Economía, fetichismo y religión en las sociedades primitivas. México: Siglo XXI, 1974.
- Fernández de Piedrahita L.* Historia general de las conquistas del Nuevo Reyno de Granada. 2 t. Amberes, Holanda: Juan Baptista Verdussen, 1688; edición facsímil, Cali, Colombia: Carvajal, 1986.
- Gamboa J.A.* El cacicazgo muisca en los años posteriores a la Conquista: del psihipqua al cacique colonial, 1537–1575. 2ª edición. Bogotá: Instituto Colombiano de Antropología e Historia, 2013.
- Godelier M.* El concepto de tribu: ¿crisis de un concepto o crisis de los fundamentos empíricos de la antropología? // Economía, fetichismo y religión en las sociedades primitivas. Madrid: Siglo XXI, 1974. P. 198-222.
- González M.S.* Trayectoria de los estudios sobre la lengua chibcha o muisca. Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1980
- Habermas J.* La reconstrucción del materialismo histórico. // La reconstrucción del materialismo histórico. Madrid: Taurus, 1981. P. 131–180.
- Hernández G.* De los Chibchas a la Colonia y la República (Del Clan a la Encomienda y el Latifundio en Colombia). Bogotá: Universidad Nacional, 1949.
- Langebaek C.* Mercados, poblamiento e integración étnica entre los Muisca, siglo XVI. Bogotá: Banco de la República, 1987.
- Lockhart J.* Los nahuas después de la conquista. Historia social y cultural de la población indígena del México central, siglos XVI-XVIII. México: FCE, 1999.
- Londoño E.* Los cacicazgos muisca a la llegada de los conquistadores españoles. El caso del zacazgo o ‘Reino’ de Tunja. Tesis de pregrado en antropología. Universidad de los Andes, Bogotá, 1985.
- Murra J.* La organización económica del Estado Inca. México: Siglo XXI, 1979.
- Said E.* Orientalismo. Madrid: Penguin Random House, 2013.
- Simón P.* Noticias historiales de las conquistas de Tierra Firme en las Indias Occidentales. 7 t. [1625]; Bogotá: Banco Popular, 1981.
- Uricoechea E.* Memoria sobre las antigüedades neo-granadinas. 1854. Bogotá: Banco Popular, 1984.